

ИГЭ
ОД
12 МАЙ 1998

На правах рукописи

ХАРАНУТОВА Дарима Шагдуровна

**ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ
В БУРЯТСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.**

Специальность 10.02.16 - монгольские языки

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Улан-Удэ -1998

Работа выполнена в отделе языкознания Института монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН

Научный руководитель - доктор филологических наук, член-корре
понент РАЕН, профессор В.И. Рассадин

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор Л.Д. Шагдаров,
кандидат филологических наук
Ц.Б. Намжилон

Ведущая организация - Восточно-Сибирская государственная
академия культуры и искусств.

Защита диссертации состоится «20» мая 1998 г. в 14 часов
на заседании диссертационного совета Д.003.26.01 в Институте монголоведе-
ния, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Республика Бурятия, г. Улс
Удэ, ул. М. Сахьяновой, 6)

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Бурягского
научного центра СО РАН (г. Улан-Удэ, ул. М. Сахьяновой, 6).

Автореферат разослан «17» апреля 1998 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Г.А. Дырхеева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Одним из основных направлений современного языкознания является сопоставительное изучение языков. Увеличивается число конкретных исследований, посвященных разным его аспектам.

В настоящее время теоретические проблемы сопоставительных исследований нашли свое отражение в трудах Б.А. Успенского, Ю.В. Рождественского, В.Н. Ярцевой, А.И. Смирницкого и др. На материале конкретных языков проводили сопоставительные исследования В.Д. Аракин, В.Г. Гак, А.П. Зеленецкий и др. Из сопоставительных работ на материале бурятского и русского языков известны работы: «Сопоставительная грамматика русского и бурятского языков» Ж.С. Сажинова, «Основные особенности грамматического строя русского и бурятского языков» М.Н. Мангадаева, «Очерки по методике преподавания морфологии русского языка в бурят-монгольской школе» П.И. Малакшинова, сборники статей «Вопросы преподавания русского языка в национальном вузе», «Вопросы преподавания русского языка в условиях бурятско-русского двуязычия». Однако вышеизложенные работы носили методический характер, к исследованиям же теоретического плана относятся такие работы, как статья А.А. Дарбеевой «Сравнительная характеристика основных структурных особенностей бурятского и русского языков», монография В.М. Егудуровой «Типология развития глаголов бурятского и русского языков (на примере глаголов движения)», статьи из сборников отдела языкознания БИОН СО РАН «Сопоставительно-типологические исследования монгольских языков. (Улан-Удэ 1993)», «Историко-сравнительное изучение монгольских языков» (Улан-Удэ 1995), диссертации О.Д. Бухаевой, А.С.

Жаргалова, С.М. Трофимовой, М.Р. Сандановой, В.М. Егодуровой, П.П. Дамбуевой, В.Б. Базаровой, С.В. Андреевой, Т.Б. Аюш.

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим интересом к сопоставительному изучению языков как в отечественной, так и мировой лингвистике. Одной из важнейших задач современного языкознания является углубленное сопоставительное исследование конкретных элементов языковых систем. Особый интерес здесь представляет сопоставление в области частей речи, которые служат первичными категориями. Проводившиеся до сих пор спорадические исследования в грамматике бурятского языка носили чисто практический характер и касались грамматики обоих языков только как факта языка. Синтаксические же речевые функции грамматических категорий имен существительных до сих пор не были предметом монографических научных исследований.

Основная цель нашей работы - рассмотрение в сопоставительном плане морфологических категорий имени существительного в бурятском и русском языках, определение их сходства и различия. Для достижения названной цели был проведен анализ не только чисто исследовательского характера (в плане сопоставления изучаемых существительных), но также и теоретического (в плане уточнения основных положений сопоставительного языкознания).

В процессе работы необходимо было решить следующие задачи:

- провести уточнение теоретических предпосылок сопоставительного бурятско-русского языкознания;
- рассмотреть имена существительные как самостоятельные знаменательные части речи в сравниваемых языках;

- определить точки зрения по проблеме классификации существительных в сопоставляемых языках, а также изучить структуры семантики существительных в привлекаемых языках;
- изучить в сопоставительном аспекте грамматические категории у существительных в бурятском и русском языках;
- определить сходство и различие в синтаксическом функционировании существительных в сопоставляемых языках.

Научная новизна исследования состоит в том, что в настоящей работе впервые в бурятоведении предпринята попытка целостного монографического сопоставительно-типологического исследования имени существительного в бурятском и русском языках. В работе выявлены сходство и расхождения в морфологических категориях имен существительных сравниваемых языков, а также в синтаксическом функционировании существительных в изучаемых языках, иначе говоря, впервые в сопоставительном плане на материале бурятского и русского языков имена существительные изучены как целостные грамматические системы в составе структуры привлекаемых языков.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она является дальнейшим шагом в изучении систем бурятского и русского языков. Результаты исследования могут быть использованы: при сопоставлении межъязыковых категориальных понятий в неродственных языках, при установлении метаязыка сравнения, для теории перевода с русского на бурятский и наоборот. Работа способствует дальнейшей разработке проблем морфологии, лексики и синтаксиса в бурятском и русском языкознании.

Практическая ценность исследования вытекает из возможности применения его основных положений и выводов в соответст-

вующих разделах вузовских курсов и на семинарских занятиях по курсу «Сравнительная типология бурятского и русского языков». Материалы и выводы работы могут применяться в практике перевода, в преподавании русского и бурятского языков в высшей и средней школе.

Объектом исследования являются:

- существительные бурятского и русского языков;
- морфологические категории существительных сопоставляемых языков;
- синтаксические функции существительных привлекаемых языков.

Материал исследования. Диссертация базируется на фактическом языковом материале, взятом как из опубликованных исследований по бурятскому и русскому языкам, касающихся имен существительных, так и из произведений художественной литературы бурятских и русских писателей и собственных наблюдений над разговорной речью.

Апробация работы: основные положения диссертации докладывались на научно-преподавательских конференциях БГУ, на Всероссийской научной конференции «Санжеевские чтения-4». Основные положения и выводы были изложены также в статьях, помещенных в научных сборниках. По теме диссертации опубликованы две научные статьи, в производстве находится одна научная статья и одни тезисы доклада. Общий объем публикации 2,7 п.л.

В соответствии с поставленной целью и задачами работы диссертация имеет следующую структуру - состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

Содержание работы

Во введении обосновывается научно-практическое значение сопоставительного изучения разных языков, отмечаются моменты новизны исследования и его теоретическая и практическая значимость, излагаются цель и задачи диссертации и методика проводимого исследования. Во введении дается краткий обзор существующих работ по теме в монголистике и русистике, рассматривается также эволюция взглядов о статусе имен существительных в сопоставляемых языках.

В главе I «Грамматические категории имен существительных как частей речи в бурятском и русском языках» рассматриваются и анализируются на обширном фактическом материале морфологические категории имен существительных в сопоставляемых языках. Определяя класс существительных как часть речи и в том, и другом языках, лингвисты давно обратили внимание на способность имен существительных называть не только предметы реальности, но и действия (*гүйдэл - бег, хүдэлмэри - работа*), качества (*гүндэрынь - высота*), отношения (*холбоон, барисаан - связь, илгаа - различие*).

В бурятском языке имена существительные определяются как наименования предметной субстанции и обладают морфологическими категориями числа, падежа, принадлежности и определенности-неопределенности. В русском же языке общее значение предметности имен существительных неразрывно связано с грамматическими категориями рода, числа и падежа, которые выражаются определенными морфологическими показателями.

Коренным и наиболее существенным отличием, образующим ярко выраженный контраст в морфологической системе бурятского

и русского языков, является отсутствие категории рода в бурятском языке.

Никаких оснований для выделения этой категории в бурятском языке нет, ибо ни в чем, кроме лексического различия слов, эта категория не проявляется, то есть существуют только способы для обозначения пола живых существ. Если для бурятского языка категория рода - явление не характерное, то для русского языка она является, можно сказать, системной категорией, определяющей характер всего строя языка.

Грамматическая категория рода в современном русском языке является больше формально-синтаксической. Формально-синтаксическая особенность грамматической категории рода заключена, во-первых, в делении имен существительных в подавляющем своем большинстве на родовые классы не по смыслу (лексическому значению), а по строению слова, по признакам его основы; во-вторых, в особой связи слов - согласовании в роде.

§ 2. «Категория числа». В сопоставляемых языках категория числа двучленна, проявляется в противопоставлении единичности и множественности. Но эти категории в сопоставляемых языках существенно отличаются друг от друга по форме и содержанию. В бурятском языке для обозначения грамматической категории числа больше подходят понятия единичности и множественности предметов, так как грамматические формы числа в ряде случаев могут не выражать соответствующие им количественные значения. Материалы современного бурятского языка позволяют выявить единичность и несколько типов множественности: определенную, неопределенную, собирательную и приблизительную. В русском языке противопоставление двух рядов форм - единственного и множественного

числа осуществляется при помощи двух частных парадигм склонения (падежных форм единственного и множественного числа), внутри которых одноименные падежи имеют различные флексии.

В обоих языках множественность может быть выражена формой единичности, но в бурятском языке это наблюдается чаще и является особенностью бурятского языка. Расхождение между бурятским и русским языком проявляется также и в том, что в бурятском языке нет номинативных существительных, которые имели бы только форму множественности (*pluralia tantum*). Как в бурятском, так и в русском, существуют суффиксы множественности, только, в отличие от русского, в бурятском языке привлекаются явления редупликации (приемы удвоения основ) наряду с аффиксальными формами множественности. В бурятском языке множественность оформляется способом агглютинации, в русском же языке с помощью флексии, неизменённости (аналитического способа) и супплетивизма, при этом флективный способ в образовании множественного числа в русском языке является ведущим.

§ 3. Категория падежа. Во флективных и агглютинативных языках падеж представляет собой одну из наиболее характерных грамматических категорий имен существительных. Как известно, значения падежей, формирующиеся на основе их синтаксических функций в словосочетании или предложении, представляют собой абстракции, отвлеченные от этих синтаксических функций. В настоящей работе мы стремились последовательно проводить это общее положение и не смешивать значение падежа с его функцией, что важно для сопоставительного исследования.

Здесь при типологическом сравнении падежных единиц бурятского и русского языков в первую очередь внимание уделяется

схождениям и, особенно, расхождениям в субъектном и объектном значениях падежей. Число выделяемых падежей в бурятском и русском языках различно, в бурятском языке по «Грамматике бурятского языка» выделено 7 падежей, в русском - 6.

Многopaдежность бурятского языка по сравнению с русским языком устанавливается за счет многообразия локативных падежных форм, которые в ряде случаев противопоставляются как падежи пространственные всем другим падежам. Оба языка относятся к номинативным. Падежные системы обоих компонентов сравнения включает в себя так называемые грамматические и неграмматические (обстоятельственные) падежи. Среди грамматических можно выделить позиционные падежи: для бурятского - именительный, неопределенный и винительный падежи, для русского - это именительный и винительный падежи. Функцию номинатива в бурятском и русском языках выполняет именительный падеж. В бурятском языке объектную функцию выполняют два падежа: винительный и неопределенный падежи. Дискуссия насчет последнего падежа ведется в научной литературе, начиная со времен Бетлинга и Радлова. Называют его по-разному, то неопределенным падежом, то «падежом основы», то «основным падежом», то «неоформленным винительным». Какой же падеж мы в данном случае имеем? Г.Д. Санжеев считает, что «этот вопрос для разных монгольских языков нужно разрешать различно, имея ввиду их неравномерное развитие¹». Далее в своей работе Г.Д. Санжеев приходит к выводу, что «относительно явлений в бурят-монгольском языке мы должны были бы говорить, что в нем наличны: 1) именительный падеж, уплотненный в положении подлежащего, атрибутива, предиката и пе-

¹ Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М., 1953, с. 142.

ред послелогоми, а также заменяющий основу при образовании форм родительного, исходного и дательного –местного падежей, и 2) основа, употребительная в положении объекта и локатива и служащая базой для образования винительного («оформленного») орудного и совместного падежей».

Мы поддерживаем это деление и считаем, что в первом случае мы имеем дело с именительным падежом, а во втором случае - с неопределенным падежом, как в старомонгольском языке. Форма именительного падежа совпадает с первой или полной основой, содержит конечное -н и имеет значение определенного объекта, а форма неопределенного падежа имеет форму второй, или усеченной основы, не содержит конечного -н, и, конечно, (само название указывает на это) имеет значение неопределенного объекта. Основное значение именительного падежа в бурятском и русском языках - это значение субъекта действия или состояния, представленное в слове, выполняющем синтаксическую функцию подлежащего, например: *Мини аха биологи үзэнэ* (Мой брат изучает биологию). Именительные падеж в сопоставляемых языках имеет также определительное и предикативное значения. Основным же значением неопределенного падежа является четко выраженное объектное значение, но только объект неопределенен и неконкретен и может обозначать неопределенное множество. Например: *Хони харадаг байна* (Пасет овец). *Уна уха* (пить воду), *модо отолхо* (рубить дерево). Неопределенный падеж имеет также определительно-обстоятельственное значение, может определять действие по направлению. Например: *хүдөө гараад ерээ* (съездил в деревню), *Москва ороод ерээ* (съездил в Москву).

Обстоятельственные падежи в бурятском языке мы можем разделить по месту образования и способу действия. К обстоятельным падежам, обозначающим место действия (пространственным падежам), мы относим дательно-местно-временной, исходно-временной и, в некоторых случаях, когда выполняет функцию транзитива, орудный падеж. К обстоятельным падежам, обозначающим способ действия, относятся совместный и орудный падежи. Значение дательно-местно-временного падежа в бурятском языке шире, чем значение дательного падежа в русском языке. Посредством этого падежа выражаются различные синтаксические функции косвенного дополнения, обстоятельства места и времени. Этот падеж в бурятском языке выражает локализацию в пространстве и времени, что дает нам право называть его дательно-местно-временным падежом, например: *Хүбүүн бүхэли үдэртэ гансаараа һуугаа.* (Мальчик сидел целый день один). В этом случае существительные *үдэртэ* в дательно-местно-временном падеже обозначает в сущности ту же протяженность действия, только не в пространстве, а во времени.

Как говорилось выше, в бурятском языке значение пространственных падежей имеет и исходно-временной падеж. Мы добавляем в обозначение слово «временной», так как этот падеж, так же как и дательно-местно-временной падеж, обозначает локализацию не только в пространстве, но и во времени. Например: *хабарһаа эхилжэ (начиная с весны).*

Если русское существительное в аккумулятиве может иметь и объектное, и субъектное, и определительное значения, то в бурятском языке аккумулятив имеет только значение прямого объекта.

Первичными значениями генитива является субъектное и объектное, а определительное значение - вторично. В русском языке субъектный генитив употребляется широко, без определенных лексико-семантических ограничений, а в бурятском языке сфера употребления уже. В отличие от русского генитива родительный субъекта в бурятском языке употребляется в причастных и деепричастных оборотах. *Наранай орохын урдахана, газаа ехэ нэрюун болобо.* (*Перед заходом солнца на улице стало очень свежо*). И в том, и другом языках генитив может употребляться для выражения косвенного объекта, в русском же языке может иметь значение прямого объекта. В бурятском языке широко представлен определительный генитив. Например: *эсэгын гэр* (*дом отца*).

Функцию инструменталиса в бурятском языке выполняет орудный падеж, в русском - творительный, и центральным значением этих падежей являются определительные и объектные значения. Комитативную функцию в бурятском языке выполняет совместный падеж, в русском - предложный, который еще имеет значение пространственных падежей. Исследование материала показало, что значения грамматических падежей сходны в обоих языках, но значения датива, инструменталиса и комитатива в бурятском языке в значительной степени отличаются от соответствующих падежей в русском.

§ 4. Категория принадлежности. В бурятском языке, как и во всех монгольских, имеется особая категория принадлежности или притяжания. Это категория грамматическая, устанавливающая отношение конкретной принадлежности между обладателем и предметом обладания. Выражается это отношение тремя способами: морфологическим, морфолого-синтаксическим и синтаксическим. В

именном склонении притяжательные отношения и в том, и другом языках выражены родительным падежом (*дом отца, книга брата*).

В русском языке у имен существительных такой категории нет, так как к морфологическим средствам посессивности относятся прежде всего группа притяжательных прилагательных, выделяемая из относительных прилагательных, и притяжательные местоимения. В бурятском языке, исходя из специфики языка, имеются притяжательное склонение и аффиксы личной принадлежности, чего нет в русском языке. Например: *ахамни (мой брат), ахашни (твой брат)*.

§ 5. Категория определенности-неопределенности. В монгольских языках, в частности в бурятском, определенность-неопределенность монголоведами не выделялась в самостоятельную категорию, в чем сказывалось влияние русского языка, в котором исследователи не находят этой категории. В то же время обращение к фактическому материалу показывает, что монгольские языки выработали специальные средства для выражения определенности и неопределенности. В бурятском языке определенность-неопределенность проявляется, например, в категории склонения, которая как и во всех монгольских языках делится на простое и притяжательное. В простом склонении определенность проявляется в оформлении винительного падежа, который имеет значение конкретного, определенного объекта. Именно определенность заставляет маркировать винительный падеж, например: *Энэ мориие асарыш (Приведи этого коня)*. Неопределенность же в бурятском языке оформляется неопределенным падежом, обозначающим неопределенный, неконкретный, обобщенный объект. Этот падеж в подобных случаях обычно называют неоформленным винительным. Например: *Шулуу абаа. (Камень взял). Энэ шулууе абаа. (Этот камень*

взял). *Тэрэ шулуу абаа* (Он взял камень), но *Тэрэ шулууе абаа* (Взял тот камень). Притяжательное склонение разветвляется на два под-вида, обусловленные категорией определенности - неопределенности. С категорией определенности связано лично-притяжательное склонение, выражающее конкретность. Аффиксы личной принадлежности указывают на конкретность, принадлежность предмета к какому-либо конкретному лицу, например: *ахыем* (моего брата), *ахадамни* (моему брату).

С неопределенностью связано безлично-притяжательное склонение, которое называют еще неопределенно-личным или возвратным. В безличном склонении (неопределенно-личном) нет именительного падежа, а есть только неопределенный падеж. Безличное притяжание указывает на принадлежность чего-либо предмету вообще, не различая его по лицам, не конкретизируя. Например: *Хүн бари номоо асараг* (Пусть каждый принесет свою книгу).

Также в бурятском языке существует и синтаксический способ оформления определенности и неопределенности. Определенность может быть конкретизируема указательными местоимениями *энэ* (этот); *эдэ, эдэнэр, эдэнэд* (эти); *шимэ* (этаким, такой); *эды* (столько); *тэрэ* (тот); *тэдэ, тэдэнэр, тэдэнэд* (те); *тимэ* (такой), *тэды* (столько). В бурятском языке определенность выражается не только путем постановки к имени определителя, конкретизатора в виде указательных местоимений, но также используются прилагательные и причастия, количественные и порядковые числительные, указывающие на определенное, точно сосчитанное количество. Конкретизаторами могут выступать и такие слова, как *ганса, гансахан*, (один, единственный), *үрөөһэн* (один из пары), например: *гансахан басаган* (одна девушка), *үрөөһэн гутални* (один из моих са-

пог). Определенность может выражаться и лексически, когда само значение слова предполагает какой-либо конкретный предмет или лицо. К таким словам относятся названия единичных предметов (топонимы), личные имена конкретных лиц, т.е. имена собственные, например: *Эрхүү*(г.Иркутск), *Мүнхэ* (Мунко - мужское имя).

Неопределенность тоже может выражаться не только морфологически, но и синтаксически. Универсальным показателем неопределенности имени существительного в бурятском языке является числительное *нэгэ*(н) в значении «некий, некоторый», в данном случае теряющее своё значение *один* и напоминающее здесь неопределенный артикль европейских языков. В сочетании с последующими именами это слово часто употребляется в значении неопределенности (*какой-то, некий, кто-то, что-то*). Например: *нэгэ хүн* (*какой-то человек*), *нэгэ басаган* (*какая-то девушка*). Это *нэгэ* в сочетании с местоимениями *ямар, зарим, хэдэн, хэды* и др. образует неопределенные местоимения, например: *ямар нэгэн* - *какой-нибудь*, *хэды нэгэн* - *сколько-нибудь* и т.п. Таким образом, мы видим, что в бурятском языке категория определенности-неопределенности находит довольно четкое выражение и связана с конкретностью-неконкретностью, при этом неопределенность носит оттенок обобщенности.

В русском же языке эта категория учеными не выделяется, хотя и здесь она находит свое выражение. Так, определенность-неопределенность выражается чаще всего при помощи порядка слов, ударения, контекста. В русском языке для выражения определенности-неопределенности используются и сочетания слов с особыми частицами. Например: *Только родители ничего не знали* (определенное имя). В русском языке тоже для выражения неопре-

деленности сформировался особый разряд местоимений: неопределенные местоимения, например: *кто-то, кто-нибудь, кто-либо и т.п.*

В выводах по главе аргументированы основные результаты сопоставительного анализа морфологических категорий имен существительных в бурятском и русском языках.

Во II главе «Синтаксические функции имен существительных бурятского и русского языков» произведен сопоставительный анализ синтаксических функций имен существительных в привлекаемых языках. Существительные в бурятском и русском языках полифункциональны, т. е. они могут выступать в роли субъекта, объекта, атрибута, предиката и обстоятельства. Обозначение предметности, действия, качества, отношения не только определяет содержание слов данной категории, но и детерминирует их синтаксические функции, важнейшими из которых являются две: субъектная и объектная. Соответственно ведущие грамматические роли существительных в предложении - это роли субъекта и объекта действия.

И в том, и другом языках функцию субъекта выполняет существительное в номинативе, оно выполняет роль подлежащего в однопоставных, двусоставных, сложных предложениях.

В отличие от русского языка, в бурятском языке причастные и деепричастные обороты имеют подлежащее. Таким образом, организуются как бы два предикативных центра. Поэтому в бурятском языке мы делим предложения на сложные и простые осложненные, которые в свою очередь делятся на разпосубъектные (разный субъектный компонент в обеих частях предложения: главном и зависимом) и моносубъектные (единный субъект в обеих частях предложения). В сопоставляемых языках субъект может быть выражен суще-

ствительными в косвенных падежах, только в бурятском языке это употребление наиболее частотно в оборотах. В примере *Доржын газга гарахада, бороо орожо байба* (*Когда Доржи вышел на улицу, там шел дождь*). Субъект в зависимой предикации находится в родительном падеже *Доржын*, предикат выражен причастием в дательном-местно-временном падеже, а субъект главного предложения *бороо* в именительном падеже.

В русском языке субъект без каких-либо семантических осложнений может быть выражен формами именительного, родительного и дательного падежей без предлога и творительным падежом одушевленного существительного. Таким образом, в сопоставляемых языках подлежащее не является единственным выразителем субъекта.

В оформлении объекта действия бурятский язык более четок, чем русский: прямой объект выражен существительным в неопределенном и винительном падежах, а косвенный объект выражен существительными в других падежах. В русском же языке прямой объект может быть выражен существительными во всех косвенных падежах. Например: *ангыг буудажга алаба (застрелил зверя) в. п., хочу молока р. п., желая солнца р.п.* В бурятском языке, прямой объект может быть выражен существительным в неопределенном падеже. Функцию косвенного объекта существительное выполняет в сопоставляемых языках в форме косвенных падежей. Причастия в бурятском языке, выполняя роль объекта, субстантивируются и при выполнении роли прямого дополнения могут выступать только в форме винительного падежа, а в функции косвенного дополнения могут быть в форме всех других падежей.

§ 3. Выражение атрибутивности. Атрибутивность в бурятском языке определяется по разным признакам: по качеству, по обладанию и отсутствию, по принадлежности (что схоже с русским языком), по действию, по отношению или по национально-родовой принадлежности. Для бурятских существительных атрибутивная функция частотнее, чем в русском. Так, в бурятском языке нет притяжательных местоимений и притяжательных прилагательных, имеющих в русском языке. Вместо них бурятский язык использует родительный падеж личных местоимений и существительных. Русским выражениям *братова шапка, сестрин платок, отцов дом, моя книга и т.п.* соответствуют в бурятском языке *ахын малгай* (букв. шапка брата), *эгэшын плаад* (букв. платок сестры), *эсэзын гэр* (букв. дом отца), *минии ном* (букв. моя книга) и т.п. Определение по обладанию в бурятском языке выражается совместным падежом, в русском - творительным с предлогом *с*, например: *гоё айхан булган малгайтай басаган ерээ* (пришла девушка с прекрасной соболиной шапкой). Определение по отсутствию чего-либо выражается в бурятском языке существительным с отрицательной частицей - *гүй*, в русском - существительным с отрицанием *без*, например: *уа гүй тала* - безводная степь, степь без воды. Кроме того, бурятский язык использует форму именительного падежа для выражения определения по материалу, национальной, родовой принадлежности и т.п., что в русском языке выражается соответствующим прилагательным. Например: *модон гэр* - деревянный дом, *булган малгай* - соболиная шапка, *буряад хэлэн* - бурятский язык, *монгол хүн* - монгол (букв. монгольский человек). Предшествуя определенному слову, определение примыкает к нему, управляется им или согласуется с ним в числе. Исходя из этого, Т.А. Бертагаев делит определения на

примыкающие, управляемые и согласуемые определения². Большую часть примыкающих и управляемых определений составляют определения, выраженные существительными. В бурятском языке основным выразителем атрибутивных отношений является имя существительное в родительном, совместном и именительном падежах. При этом свободное употребление бурятского существительного в форме своей основы в роли атрибута породило много споров.

В русском языке существительное в именительном падеже также может определять предмет, но только будучи приложением, которое согласуется с определяемым словом в падеже (старушка-земля, старушки-земли, старушке-земле и т.д.). В бурятском языке тоже различают приложения. Но грамматическая особенность приложения заключается в его неуподоблении определяемому слову в падеже. В сопоставляемых языках существительное в косвенных падежах может выполнять атрибутивную функцию, только употребление бурятского генитива в функции определения намного шире. В этом сказывается особенность бурятского языка, где мало прилагательных. Таким образом, бурятский язык выработал специальные средства для определения предмета по принадлежности (нет притяжательных прилагательных и местоимений), по обладанию и наличию, по качеству и т.д.

Существительные при выполнении функции предиката имеют больше сходств, чем различий в сопоставляемых языках. И в том, и другом языках именная часть сказуемых выражена существительным. Бурятские существительные в функции предиката могут выступать в форме косвенных падежей как без связки, так и с опущен-

² Бертагаев Т.А., Цылендамбаев Ц.Б., Грамматика бурятского языка. Синтаксис. М., 1962, с.77-78

ной связкой, русские существительные в именной части сказуемого могут выступать без связки только в именительном падеже. Бурятский язык выработал также специальные показатели: служебные слова и постпозитивные частицы, которые вводят существительные в класс предикатов. Сходны в обоих языках средства выражения существительными функции обстоятельства. В бурятском языке эту функцию широко выполняют субстантивированные причастия, в русском же языке её выполняют предложные и предложно-падежные формы существительных. В бурятском языке значение признака, пространственно-временной локализованности выражают послелого. Благодаря им, в бурятском языке наиболее четко выражаются различные пространственно-временные, причинно-целевые и др. отношения, передача которых не всегда возможна при помощи падежных формантов. В этом отношении послелого аналогичны предлогам в русском языке.

Таким образом, в сопоставляемых языках обстоятельства оформляются почти одинаково: существительными в косвенных падежах. Только в бурятском языке существительное в неопределённом падеже может выполнять функции обстоятельства места, направления. В бурятском языке основная нагрузка падает на падежные формы существительных и причастий с послелогоми, при этом причастия принимают падежные окончания. Тогда как в русском языке обстоятельственные значения раскрываются в падежных или предложно-падежных словоформах, где многое зависит от значения предлога.

В заключении подведены итоги проделанного сопоставительного функционально-семантического исследования имен существительных в бурятском и русском языках, которое показало, что, как в

современном бурятоведении, шире - монголоведении, так и в русистике, имя существительное осознается как одна из основных частей речи, семантическим ядром которого является предметность. В бурятском языке предметность, кроме категорий числа и падежа, органически связана с категорией принадлежности, а в русском языке связана с категорией рода. Отсутствие этой категории в бурятском является коренным и наиболее существенным отличием, образующим ярко выраженный контраст в морфологической системе русского и бурятского языков. Категория определенности-неопределенности в бурятском языке имеет четкое грамматическое выражение. В процессе исследования мы пришли к выводу, что в отношении морфологических категорий имен существительных в сопоставляемых языках нет абсолютного совпадения, различий больше нежели сходств.

Рассматривая существительное на речевом уровне, мы видим, что существительное в привлекаемых языках полифункционально: оно выполняет все функции. Речевые функции сопоставляемых языков сходны, но средства выражения различны.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Речевые функции имен существительных бурятского и русского языков // Историко-сравнительное изучение монгольских языков. Улан-Удэ, 1995, с.92-105.
2. Категория числа в бурятском и русском языках // Вестник БГУ. Улан-Удэ, 1998, с. 12-20
3. Категория определенности-неопределенности в бурятском и русском языках // Вопросы бурятско-русского двуязычия. (в печати)
4. Разработка грамматических категорий имен существительных бурятского языка в трудах Г.А. Санжеева (в печати).

